

Земля наша велика и обильна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Геorgia Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша*

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна...», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладogi и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

<i>В. А. Лапшин.</i> Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения.....	5
<i>Л. А. Губчевская.</i> «Заповедный» — значит «особо хранимый»	8
<i>Л. М. Всевиов</i> (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова.....	11
<i>А. А. Александров.</i> «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)	14
<i>С. В. Белецкий.</i> Геральдические подвески X–XI вв.	30
<i>Р. Брузис.</i> Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии	50
<i>Ю. А. Виноградов.</i> О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии	61
<i>К. В. Горлов, Н. В. Григорьева.</i> Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладogi	66
<i>Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина.</i> Изборская крепость в первой трети XIV в.	70
<i>Т. Н. Джаксон.</i> О природных чудесах Исландии	84
<i>А. Н. Егорьков, А. В. Плохов.</i> Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища	91
<i>И. И. Еремеев.</i> Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом	99
<i>М. М. Казанский.</i> О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы	113
<i>С. Ю. Каинов.</i> «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения)	125
<i>О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова.</i> Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты	140
<i>А. А. Кищук, О. В. Овсянников.</i> Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского	156
<i>Л. С. Клейн.</i> Спор о варягах как пережитое	183
<i>Н. Б. Крыласова.</i> Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае	201
<i>Ю. А. Кулешов.</i> Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии)	215

<i>А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах</i>	<i>241</i>
<i>А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным</i>	<i>245</i>
<i>В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга</i>	<i>258</i>
<i>П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада</i>	<i>267</i>
<i>К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)</i>	<i>286</i>
<i>Е. Р. Михайлова. Двухшипные наконечники копий из Которского погоста</i>	<i>298</i>
<i>А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси</i>	<i>312</i>
<i>В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладогe»</i>	<i>322</i>
<i>Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)</i>	<i>332</i>
<i>А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.</i>	<i>343</i>
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захабa: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г.</i>	<i>358</i>
<i>Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок</i>	<i>379</i>
<i>В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли</i>	<i>384</i>
<i>П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья</i>	<i>395</i>
<i>Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв.</i>	<i>405</i>
<i>С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля»</i>	<i>424</i>
<i>С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века</i>	<i>433</i>
<i>Сокращения</i>	<i>439</i>

Р. Брузис
(Рига)

Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии

Оружие привлекало внимание общества во все периоды существования человечества. Его внешний вид, функция, а также семантика наполнялись разнообразным значением: начав с охотничьего орудия, уже в каменном веке оно стало символом защиты общинного имущества и жизни ее индивидов. В христианском мире средневековья оружие стало важным атрибутом справедливого суда.

Хронологические границы статьи охватывают промежуток времени с момента укрепления на рубеже XIII–XIV вв. типичной средневековой формы управления — Ливонской конфедерации, в которую входила и территория современной Латвии, — до ее развала в 1561 г. Становление Ливонской конфедерации совпало с расцветом тех процессов, которые в военной сфере в Европе начались в середине XIII в. и закончились с Семилетней войной (Roggers 2008: 21–58). С середины XIII в., при постепенной смене кольчуги пластинчатой броней, с изменением военной тактики и состава войска, большие изменения произошли и с комплектом наступательного оружия (The Cambridge History of Warfare 2005: 84–96). В Ливонии эти процессы выкристаллизовались в ходе XIV в.: в боевой тактике увеличилось значение пехоты, а в конце века на вооружении появилось огнестрельное оружие. Конец исследуемого периода ознаменовался широкими и комплексными изменениями, которые в европейском военном деле произошли в период с 1560 по 1660 г. В Ливонии этот процесс фиксируется во второй половине XVI в. В военном отношении это привело к краху устаревшей стратегии и тактики Ливонского ордена в последних его сражениях (Zeids 1961: 2–11). В то же самое время стремительно приходит на смену отвечающее военным веяниям нового времени стандартизированное вооружение.

Так как любое оружие является активным элементом, который всегда стремится к преодолению защитного вооружения, то и в Ливонский период оно отражало развитие военной мысли в обществе и определяло тактику боя. В результате успешного применения средств ближнего боя изменяется физическое состояние воздействуемого объекта, а также исчезает боеспособность противника и уменьшается мотивация к нападению. Достижение этих целей обладало определенным престижем в средневековом обществе, которое было идеологически мотивировано к войне. Битва, которая выигрывалась в ближнем бою, являлась частью неписанного морального кодекса благородного воина, что подтверждается правилами рыцарских турниров, а также тем обстоятельством, что элитная часть войска XIV–

XVI вв. — тяжеловооруженная кавалерия — как правило, не пользовалась оружием дальнего боя. Право на ношение оружия ближнего боя в средневековье — это признак свободного человека, которое было неразрывно связано с возможностью защитить себя.

Хотя на практике человек всегда стремился использовать именно боевое оружие, вне реальной схватки всё-таки безопаснее было применять его реплики или бутафории. Бутафорией обозначается копия реального оружия, которая в условиях настоящего боя не приводит к смерти противника. Хотя внешне реплика мало отличалась от настоящего оружия, ее боевая неэффективность обуславливалась либо использованием отличного от оригинала материала, например, более легкого, либо уменьшением толщины боевой части или рукояти. В результате вес бутафории снижался, что уменьшало инерцию колющего или режущего удара. Это могло дополняться использованием более легкого и хрупкого материала, которым чаще всего являлось дерево, что уменьшало сопротивление «боевой» части по отношению к объекту применения. Функции бутафорий были самыми различными — реплики оружия использовались в качестве реквизита в театральных постановках, в виде декорации у скульптур библейских героев или как инсигнии в похоронных ритуалах. В то же самое время бутафории надо четко отделять от встречаемых в латвийском археологическом материале детских игрушек и сознательно изготовленного в миниатюрном виде оружия.

Бутафории мечей

Части и детали подражаний люксового оружия — меча — найдены в Риге, на улице Лиела Пилс (RVKM¹, VI, 166 / 310) и на кладбище Берзгалес Вайди в Латгале (LNVM², A, 12228: 75). В Риге была найдена отломанная рукоять деревянного меча, которая состояла из сжимаемой в руке части и полукруглого набалдашника (рис. 1, 1). Длина рукояти была 16,1 см, ширина — 5 см. Автор раскопок охарактеризовал набалдашник как полукруглый (Сауне 1997: 131). После осмотра описываемой части деревянного меча спустя 46 лет после извлечения ее из сырого городского культурного слоя можно констатировать, что она приняла форму восьмиугольника. Хотя изменение очертаний произошло под воздействием процесса высыхания древесины, всё же четко просматривается, что стороны набалдашника выструганы ножом именно угловатыми. Такая форма соответствует выделенному исследователем оружия Э. Окшоттом типу I-1 дисковидных набалдашников, использование которых датируется периодом с начала XIV в. по 1425 год (Окшотт 2006: 371–372). Исходя из размера рукояти, А. Цауне сделал вывод, что фрагмент отломался от деревянного оружия, которое юноши использовали при обучении фехтованию мечом (Сауне 1997: 131). Схоже выполненный целый деревянный меч, который сохранился на длину 86 см, найден при раскопках Бреста в Белоруссии (Лысенко 1985: 322).

Более сложным назначением и семантикой обладал бронзовый набалдашник из захоронения № 29 кладбища Берзгалес Вайди (рис. 1, 2). В инвентарь захоронения

¹ Музей истории Риги и мореходства (Рига, Латвия).

² Национальный музей истории Латвии (Рига, Латвия).

Рис. 1. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. 1–2 — мечи (1 — Рига, Лиела Пилс, RVKM, VI, 166 /310; 2 — Латгале, кладбище Берзгалес Вайди, захоронение № 29, LNVМ, А, 12228: 75); 3–4 — рубящие боевые ножи (3 — Рига, церковь Св. Петра, RVKM, VRVM, 40979; 4 — Рига, Бруниниеку 41, RVKM, VRVM, 40980); 5 — кинжал (Рига, котлован здания Министерства Финансов, RVKM, VRVM, 23295)

также входили навершие булавы, копье, кинжал и топор. Захоронение в целом датируется периодом с конца XIII по начало XIV в. (Atgāzis 1999: 19). Этот набалдашник, крепившийся в завершении рукояти рубящего меча, тоже принадлежит типу I-1 по Окшотту. Деталь выполнена многогранной, ее длина — 2,5 см, отверстие имеет ширину 1,7 см. Большой размер свидетельствует о том, что набалдашник крепился к двуручному мечу с массивной рукоятью и лезвием (Tomsons 2014: 131–132). На поверхности набалдашника в негативном рельефе выполнено изображение лилии, а на другой стороне — стилизованная фигура орла, что может свидетельствовать об использовании детали в качестве печати (Tomsons 2014: 131).

Надо отметить, что набалдашник рукояти меча должен был быть достаточно увесистым, чтобы сбалансировать массивное лезвие оружия. Найденная в захоронении № 29 кладбища Вайди деталь рукояти выполнена полый и весит всего 154 г, чего явно недостаточно, чтобы в бою можно было бы удобно манипулировать тяжелым мечом. Это позволяет видеть в данном набалдашнике инсигнию, т. е. набалдашник рукояти был выполнен из толстой бронзовой жести в качестве символической детали реального меча специально для нужд похоронного ритуала. Благодаря консервирующим свойствам бронзы, внутри набалдашника сохранились частички древесины рукояти (Vasks 1974: 14. att., 80. lpp.). Это достаточно весомое указание на то, что сам меч-инсигния был деревянным — бутафорией оружия. Останки древесины могли бы указывать и на деревянные накладки рукояти оружия, но внутри полого набалдашника нет признаков железа. Такое бутафорское оружие как инсигния служило символом власти, чина или социального статуса умершего. Надо упомянуть, что остальное оружие из инвентаря захоронения соответствует реально используемым в ближнем бою экземплярам, которые в Латвии хорошо известны по случайным находкам или по материалам раскопок слоев XIV в. Следует отметить, что в исторической действительности, как в ее отражении в иконографических источниках, так и в религиозных представлениях общества, оружие редко функционировало само по себе как контекстуально независимая единица. Это в полной мере относится и к контексту захоронения № 29 в Вайди. Комплект реального оружия здесь великолепно дополнил деревянный меч с почти реальным бронзовым набалдашником навершия рукояти. Только в отличие от остального оружия умерший при жизни бутафорией меча, скорее всего, не пользовался. Бронзовая деталь этого люксового оружия вместе с полированным навершием булавы акцентировала идентичность умершего, которую в качестве кода в виде приданного захоронению инвентаря безошибочно «считывали», сохраняли в памяти и позже об этом свидетельствовали присутствующие на похоронах.

Очевидно, захоронение № 29 на кладбище Вайди, особенно вследствие того, что оно содержало так же такой индикатор власти и высокого социального статуса, как булава (Atgāzis 1999: 26; Šnē 2002: 292), надо связать с каким-то вассалом местного происхождения, роль которого в дружине резекнского фогта Ливонского ордена превосходила значение легковооруженного пехотинца. Традиция помещения бутафорских мечей в могилу известна и на территории Эстонии — в составе инвентаря в захоронении № 248, датируемого концом XIII в., на кладбище Сиксала обнаружен изготовленный из железа плохого качества меч, перекрестье и набалдашник рукояти которого были изготовлены из кости (Laul, Valk 2007: 196, fig. 35).

Бутафории рубящих боевых ножей

На территории Латвии боевые рубящие ножи найдены в очень небольшом количестве — только семь экземпляров. Это оружие развилось из лангсакса, поздние предметы в Центральной Европе появились в XIII в., и их форма практически не претерпевала изменений вплоть до XVI в (Dolínek, Durdík 1996: 88). От меча данный вид оружия отличает односторонняя заточка плоскости лезвия, часто встречается ассиметрично выполненная рукоять. В свою очередь, главное различие между колющими и рубящими ножами, которое определяет принадлежность предмета к разным функциональным подгруппам, — это форма основания и острия лезвия. У рубящих ножей основание лезвия изготовлялось массивным — широким и утолщенным. Такое исполнение, которое часто напоминает рубящий зуб, обеспечивало большую инерцию основания лезвия в момент нанесения рубящего удара. Весь объем лезвия боевого ножа также был более массивным, армирование его обеспечивала толщина спинки. Форма и балансировка такого ножа указывают на его рубящую функцию, а таранный укол под углом в 90° по отношению к верхней части тела колющего этим оружием, не будет эффективен.

На территории Латвии известно только два образца боевых ножей, у которых в нижней части лезвия имеется рубящий зуб, и оба предмета — это именно подражания боевому оружию. Они найдены в Риге, в церкви Св. Петра (RVKM, VRVM³, 40979) и на улице Бруниниеку 41 (RVKM, VRVM, 40980). Оба экземпляра выполнены из железной жести, причем форма лезвия, рукояти и размеры предметов поразительно схожи. Толщина жести спинки лезвия достигает всего 0,2 см, ширина боевой части — 5,3–5,4 см. Длина найденного на улице Бруниниеку ножа (рис. 1, 4) составляет 55,1 см, а экземпляра из церкви Св. Петра (рис. 1, 3) — 59,8 см. Длина рукоятей обоих ножей — 10,5 см. Спинка ножей, начиная с основания у рукояти на длину 27–35 см, прямая. В свою очередь последняя ее треть выгнута назад на 9–10°, формируя тем самым так называемый рубящий зуб. Форма и расположение рукоятей у обеих рижских находок одинакова и схожа с боевым ножом из замка Кокнесе. Спинка рукоятей и лезвия идут в одну линию. Рукоять выполнена в форме прямоугольника с утолщением в верхней части и пятью отверстиями для клепки накладок. Накладки могли быть из дерева или кости, но они не сохранились. Характерная для обеих бутафорий ножей форма лезвия у боевых ножей появилась в середине XIII в., но вплоть до конца XV в. такое оружие оснащалось симметричным перекрестьем от меча (Seitz 1981: 186–195). В свою очередь, ассиметричные рукояти, характерные только для боевых ножей, которые мы видим у обоих рижских экземпляров, оружейники начали изготавливать с конца XV в. Форма рукояти обеих бутафорий характерна для типа боевых ножей, который снабжался круто выгнутым наверху (Marek 2006: рис. 8). Обе бутафории боевых ножей выполнены настолько тщательно, что при быстром, поверхностном ознакомлении они оставляют впечатление реального боевого оружия. Это позволяет предположить, что они были выполнены тем же кузнецом, который изготавливал в Риге реальные ножи и кинжалы (Anteins 1976: 82). В ведении мастеров этого цеха находилась иковка боевого ножа (Müller, Kölling 1982: 38). Принимая во внимание форму

³ VRVM — шифр коллекции Музея истории Риги и мореходства (Рига, Латвия).

найденных в Риге экземпляров, надо думать, что образцом для изготовления обоих бутафорий служило реальное оружие.

Исторический контекст обоих находок одинаков — бутафории были изображениями реального боевого оружия в интерьере церквей. Найденный в церкви Св. Петра нож располагался на одном из 30 алтарей, который служил культу какого-нибудь святого или принадлежал одной из корпораций горожан (Neilands 2000: 17). Вероятно, копия боевого ножа была связана с изображенным на алтаре архангелом Михаилом, который в сценах, символизирующих борьбу и победу Господа над Сатаной, изображался с мечом, занесенным для рубящего, реже — колющего удара. В XVI в., когда рубящий боевой нож опять стал популярным оружием, его в своих произведениях стали изображать и скульпторы. В христианстве архангелу Михаилу приписывались четыре главные роли. С милитаризмом связана одна из них — архангел считался военачальником Божией рати в борьбе со Злым духом. Как предводитель триумфа небесных сил над силами преисподней Михаил наделялся всеми добродетелями духовного воина, при этом архангел изображался в сверкающих доспехах или кирасе, чаще всего держащим в руках меч и щит, реже — копье, которое всё же более традиционный атрибут для Св. Георгия. Самый частый сюжет для изображений с архангелом Михаилом — его триумф над Сатаной, который предстает в виде змеи, дракона или демона (Фергюсон 1998: 167). Библейское обоснование сюжета дается в Откровении Иоанна: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И извержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвергнуты с ним» (Откр. 12: 7–9).

Защита веры была одним из идеалов христианского воина, поэтому меч стал важным символом адептов культа Св. Михаила, который, помимо остальных семантических значений этого оружия, отражают иконографические источники XIV–XVI вв. и на территории Латвии. В период католицизма церковь была тем местом, где непосредственно через различные изобразительные источники, в том числе скульптуру, участники христианского культа адаптировали клерикальное послание, распознавали святых, участвовали в их почитании. В первой половине XVI в. одним из центральных опознавательных элементов архангела Михаила определенно был меч или рубящий боевой нож. Оружие, которое было изготовлено из металла, сверкало в интерьере церкви, в свою очередь, сама скульптура, скорее всего, была из дерева.

Интерьер церкви Св. Петра погиб 8 августа 1524 г. в ходе церковных погромов, когда алтари выносились на улицу, деревянные части сжигались, а негорящие детали топились в Даугаве. Можно предположить, что в суе погрома бутафория боевого ножа упала и затерялась в церкви, а с течением времени археологизировалась. Контекст археологизации бутафорного ножа с улицы Бруниниеку (улица находится на некотором отдалении от границ средневекового города) не устанавливается, но судьба его могла быть столь же схожей, насколько обе копии боевых ножей схожи по изготовлению.

Найденные в Риге бутафорские боевые ножи по типу рукояти и форме лезвия датируются периодом с рубежа XV–XVI вв. по середину XVI в. При этом конец использования обоих предметов в качестве детали церковного интерьера соотносится

с конкретным годом — 1524 г. Две бутафории, которые связаны с католическим интерьером и культом рижских церквей первой четверти XVI в., пока что являются единственным свидетельством использования на территории Латвии ножей с выгнутым лезвием и т. н. рубящим зубом. Это является доказательством существования реального, боевого прототипа, который визуализировал рижскому кузнецу ножей форму изготавливаемых бутафорий.

Бутафории кинжалов

Проще, чем по размерам, бутафорию реального артефакта определить исходя из материала, из которого предмет изготовлен. В историческом центре Риги во время археологического наблюдения за строительством здания Министерства финансов (1938 г.) был найден изготовленный из дерева кинжал (RVKM, VRVM, 23295) (рис. 1, 5). Его длина — 18,4 см, ширина лезвия 3,1 см, толщина — 0,8 см. За исключением большей толщины, форма и размер артефакта очень близки кинжалу, который был найден совсем рядом — на рижской Ратушной площади. По типологии польского исследователя оружия М. Левандовского, он принадлежит кинжалам подварианта Б-16, для которых характерно в верхней части расширенное и ассиметричное лезвие, причем ось рукояти и лезвия не соединяются, а идут параллельно (Łewandowski 1986: tabl. I).

На территории Латвии кинжалы подварианта Б-16 найдены при раскопках замков Кокнесе (LNVM, VI, 62, 141, 2539, 2795, 7173), Резекне (LNVM, VI, 270, 255), а также в захоронении № 389 кладбища Веселава в Видземе (LNVM, A, 13676, 159). В виде случайных находок три предмета обнаружены в Старой Риге: квартал между улицами Вальню, 13 января, Сталлю и Калею (RVKM, VRVM, 41149/4006), на Ратушной площади (RVKM, VRVM, 41235/6649), котлован здания Министерства финансов (RVKM, VRVM, 23295). Один предмет известен с одного из островов озера Лубанас в Восточной Латвии (LdNM⁴, 1911). Из всех приведенных экземпляров целыми сохранились кинжалы из Кокнесе, кладбища Веселава и острова на озере Лубанас, их длина колеблется от 14,8 до 22,1 см. У остальных экземпляров полностью или частично недостает втулки, а также кончика острия. Длина клинка кинжалов от 15,1 до 19,9 см, ширина — от 1,8 до 3,2 см, толщина спинки от 0,5 до 0,6 см. Острие лезвия выполнено под углом в 18°–30°. Его конечная часть отогнута назад относительно основания лезвия под углом 3–7°.

У найденных на территории Латвии кинжалов лезвие имеет так называемый зуб — со второй или третьей трети лезвия ширина плоскости равномерно увеличивается. Зуб заканчивался острием, которое выполнено по отношению к линии лезвия резко отогнутым под острым углом в сторону спинки. Хотя кинжалы подварианта Б-16 больше приспособлены для резки, выполненное под относительно острым углом лезвие всё же позволяло произвести укол по поверхности с небольшим сопротивлением — в ткань или в кожу.

В археологических работах с культурно-историческим уклоном такие кинжалы причислены к типу коротких охотничьих кинжалов, форма которых сформировалась

⁴ LdNM — Лудзенский Краеведческий музей (Лудза, Латвия).

в начале XVI в. (Verner 1984: 62–63). Эти кинжалы могли использоваться в качестве вспомогательного орудия для снятия шкуры и разделки туши убитого зверя. В свою очередь, находки из культурного слоя города могут быть связаны с инвентарем кожаных мастерских.

Найденный в Риге предмет, как и упомянутый выше деревянный меч, является моделью реального прототипа из железа. Схожие деревянные модели оружия найдены в слоях XVI в. в Пскове, где использование такого рода бутафорного оружия связывается с турнирными поединками, на которых взрослые мужчины мерились силой и боевым навыком, или же с театральными выступлениями (Салмин 2013: 74–77). Такие постановки, или мистерии, изначально ставились на религиозные темы и происходили во время богослужений. Их целью было наглядно и в доступной форме показать местным новообращенным жителям различные библейские сюжеты. На территории Латвии мистерия с батальными сценами в письменных источниках впервые фиксируется уже в начале миссии латинской церкви — в 1205 г. (Генрих 1938: 94). Театральные выступления часто устраивали странствующие труппы, которые наведывались в Прибалтику благодаря ее выгодному географическому положению.

Как соревнования по силе и ловкости, так и мистерии только имитировали сражение на глазах у большой аудитории горожан. Чтобы в условиях узости средневековой улицы или переполненной людьми площади избежать летального исхода, участники состязаний использовали деревянное оружие. В свою очередь, в мистерии бутафории актерам выдавались постановщиком представления из реквизита театра.

Бутафории, миниатюрное и игрушечное оружие

В латвийском материале подражания оружия встречаются также в формате миниатюры или игрушки. Миниатюры — это копии реального функционального оружия, которое изготовлено в более малых размерах. Процесс миниатюризации различных предметов, который в Северной Европе начался в VII в., на территории Латвии проходил с VII по XV в. (Doniņa 2013: 5). Изготовление и использование миниатюр на территории Латвии — это локальное явление, которое характерно для захоронений живущих в западной части страны куршей. Из оружия ближнего боя в малых размерах изготавливались только топоры. Пять из них (A, 9198, 48, 50, VI, 234, 3210, VVM⁵, 30003, 243, A, 8794, 1) найдены в захоронениях, датируемых XIV — началом XV в. (Brūzis 2016: 176–190), в том числе в кремациях (Šnore 1937), а четыре являются случайными находками (KNM⁶, 33 372, TM, TMNM⁷, 801, TNMM⁸, 226, 6313). Эти топоры изготовлены специально для размещения в инвентаре захоронений, хотя отдельные исследователи не исключают возможность реального использования экземпляров более крупного размера (Gintautaitė-Buteniėnė, Butėnas

⁵ VVM — Музей истории Вентспилса (Вентспилс, Латвия).

⁶ KNM — шифр коллекции Кулдигского краеведческого музея (Кулдига, Латвия).

⁷ TM — Тукумский музей (Тукумс, Латвия). TMNM — шифр коллекции Тукумского музея.

⁸ TNMM — Талский краеведческий музей (Талси, Латвия).

2002: 19; Brūzis 2016: 190). Миниатюрное оружие использовалось и в ритуальных целях. Существенная разница между бутафориями и миниатюрами состоит в том, что первые изготавливались в реальном размере, а вторые — в уменьшенном.

В культурном слое средневековой Риги XIII–XIV вв. найдены деревянные игрушки, в том числе — подражания оружию. Дети в своих играх использовали деревянные наконечники стрел, найдено также 12 фрагментов деревянных мечей, в основном их рукоятей (Сауне 1997: 130). Хотя отдельные фрагменты игрушечных деревянных мечей изготовлены как точные копии формы средневекового оружия, их можно отличить благодаря маленьким рукоятям, которые приспособлены для детской руки. Сложнее отличить редкие лезвия деревянного оружия. На улице Пелду-Уденсвада в раскопках 1974–1976 гг. найдено завершение изготовленного из дерева односторонне заточенного лезвия, от которого сохранилось само острие (VRVM, 18348/260). Его длина — 20 см, ширина — 2,5 см, толщина — 0,4 см. Такое острие видим у найденных в Латвии поздних колющих кинжалов XVI в. Целый экземпляр найден в Сигулдском (TMR⁹, 15220), а фрагмент острия — в Кокнесском замке (VI, 62 :1189). Как у деревянного, так и у металлического оружия линия заточки и спинки прямые. У металлического оружия лезвие равномерно сужается, острие выполнено в форме равностороннего треугольника, линии заточки и спинки лезвия соединяются в симметричных углах. Оружие датируется XVI в. (Brūzis 2016: 98–99). Изготовленный из дерева фрагмент лезвия боевого ножа уже металлических экземпляров. Острие лезвия также выполнено ассиметричным, а не в форме равностороннего треугольника. Такое несовпадение форм и размеров наводит на мысль, что деревянные экземпляры как игрушечное оружие строгались ножом самими детьми в домашних условиях (Цауне 1989: 112).

В заключении можно сделать вывод, что на данной стадии исследования визуально распознаваемые бутафории оружия ближнего боя Ливонского периода в археологическом материале появляются с конца XIII в. Фактически они существовали и раньше, хотя бы как реквизит христианских мистерий с начала XIII в. Всё же рассматриваемые в статье археологические артефакты могли быть не единственными подражаниями оружия, дополнительную информацию и новые источники, возможно, дал бы спектроскопический анализ оружия, найденного в инвентаре захоронений. Бутафории — это четко отделяемые от реальных, используемых в сражении артефактов. Главное различие — нелетальность при использовании бутафории в условиях ближнего боя, что определяется размером боевой части, толщиной основания, а также разницей в весе. Также бутафории оружия ближнего боя определено отделяемы от группы артефактов, функционировавших в качестве детских игрушек. Здесь главное отличие — размер, так как игрушки, хотя их форма схематично близка реальному оружию, сознательно выполнялись в миниатюре. В свою очередь, бутафории, как уже отмечалось, отличаются от реального оружия шириной, весом и материалом боевой части. Остальные параметры чаще всего совпадают с реальным оружием. Также важно отделить подражания оружию от миниатюр, которые на территории Латвии найдены, в основном, на населенной куршами территории.

Бутафории оружия доминировали в городской среде, где их использовали во время религиозного ритуала, в церковном интерьере, в средневековых театральных

⁹ TMR — Турайдский музей-заповедник (Турайда, Латвия).

постановках или мистериях. Использование оружия в таком виде церковь акцептировала, причем в настолько реальном формате, что в некоторых случаях аудитория мистерии при просмотре театральной постановки с использованием бутафории принимала действо за реальность и в страхе разбегалась (Генрих 1938: 94). Единственные подражания оружию, которые не участвовали в культовых обрядах, — это изготовленные из дерева снаряды, которые использовались юношами и мужчинами в соревнованиях — в имитациях битв в рамках турниров, в фехтовании на мечах. В свою очередь, вне городов больше шансов встретить бутафорию оружия в похоронном ритуале, в составе могильного инвентаря.

Подражания оружию сопровождали члена средневекового общества, начиная с игр раннего детства и до похорон. Находки бутафорного оружия в средневековом слое еще раз акцентирует милитарную идентичность Ливонского общества и желание видеть оружие не только на войне, но и в сравнительно безопасные будни. Можно надеяться, что анализ таких предметов даст новую информацию и возможность переоценить уже имеющиеся в составе музейных коллекций находки средневекового оружия.

Литература

- Генрих 1938 — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.
- Лысенко 1985 — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 395 с.
- Окшотт 2006 — Окшотт Э. Археология оружия: от бронзового века до эпохи ренессанса. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.
- Салмин 2013 — Салмин С. А. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит // АИППЗ: Материалы 58-го заседания. Псков: ИА РАН, ПГОИАХМЗ, 2013. С. 74–77.
- Фергюсон 1998 — Фергюсон Дж. Христианский символизм. М.: АДЕ «Золотой век», 1998. 332 с.
- Цауне 1989 — Цауне А. Рижские деревянные изделия XII–XIV вв. — предметы народного прикладного искусства // Цимерманис С. (отв. ред.). Народное прикладное искусство: актуальные вопросы истории и развития. Рига: Зинатне, 1989. С. 106–125.
- Anteins 1976 — Anteins A. Melnais metāls Latvijā. Rīga: Zinātne, 1976.
- Atgāzis 1999 — Atgāzis M. Kaujas vāles Latvijā 10.–14. gs. Latvijas vēstures institūta žurnāls, 2. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1999. 16.–33. lpp.
- Brūzis 2016 — Brūzis R. Tuvciņas ieroči Latvijā 14.–16. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2016. 284 lpp.
- Caune 1997 — Caune A. Bērnu koka rotaļlietas viduslaiku Rīgā. Arheoloģija un etnogrāfija, XIX. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1997. 130.–134. lpp.
- Dolínek, Durdík 1996 — Dolínek V., Durdík J. Historische Waffen. Augsburg: Bechtermünz Verlag. 1996.
- Doniņa 2013 — Doniņa I. Miniātūri kuršu 7.–15. gs. arheoloģiskajā materiālā. Latvijas vēstures institūta žurnāls, 5. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2013. 5.–36. lpp.

- Gintautaitė-Buteniėnė, Butėnas 2002 — *Gintautaitė-Buteniėnė E., Butėnas E.* Laivi kapinynas. Lietuvos archeologija, 22. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2002. S. 9–198.
- Laul, Valk 2007 — *Laul S., Valk H.* Siksälä: A Communiti at the Frontiers Iron Age and Medieval. Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology, 2007. 237 lpp.
- Łewandowski 1986 — *Łewandowski M.* Puginały średniowieczne z ziem Polskich // *Acta archaeologica Lodziensa: Mediaevalia archaeologica*, 31. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 1986. S. 101–114.
- Marek 2006 — *Marek L.* Średniowieczne i nowożytnie kordy ze Śląska // *Acta militaria mediaevalia*, II. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2006. S. 189–206.
- Müller, Kölling 1982 — *Müller H., Kölling H.* Europäische Hieb- und Stichwaffen. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1982. 448 s.
- Neilands 2000 — *Neilands A. F.* Trīs pastaigas pa Rīgas iekšpilsētu un bulvāru loku ar Aleksandru Fridrichu Neilandu. Rīga: autora pašapgāds, 2000.
- Roggers 2008 — *Roggers C.* The Military Revolutions of the Hundred Years War. Warfare in Early Modern Europe 1450–1660. Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2008. P. 21–58.
- Šnē 2002 — *Šnē A.* Sabiedrība un vara: Sociālās attiecības Austrumlatvijā aizvēstures beigās. Rīga: Intelekts, 2002. 469 lpp.
- Šnore 1937 — *Šnore E.* Izrakumi agro vēsturisko laiku kapulaukā Jūrkalnes pagasta Darvde-džos. Senatne un māksla, 2. Rīga: Pieminekļu valde, 1937. 57.–64. lpp.
- The Cambridge History of Warfare 2005 — Parker G. (ed.). The Cambridge History of Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 515 p.
- Tomsons 2014 — *Tomsons A.* Liecības par zobenu un to piederumu izplatību Austrumlatvijā 9.–14. gadsimtā: jaunas interpretācijas iespējas // *Arheoloģija un etnogrāfija*. 2014. XVII. 124.–139. lpp.
- Vasks 1974 — *Vasks A.* Izrakumi Vaidu kapos // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1973. gada pētījumu rezultātiem. Rīga: Zinātne, 1974. 78.–81. lpp.
- Verner 1984 — *Verner D.* Histoire des armes de chasse. Paris: Jacques Grancher, 1984. 219 p.
- Seitz 1981 — *Seitz H.* Blankwaffen, I. München: Klinkhardt&Bierman GMBH, 1981. 448 S.
- Zeids 1961 — *Zeids T.* Ērgemes kauja un tās vēsturiskā nozīme // Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas vēstis, 7 (168). Rīga: Zinātne, 1961. 3.–11. lpp.